

Заметка об имперфекте совершенного вида

Имперфект совершенного вида – характерная особенность древнерусских книжных текстов старшего периода. Как показал Ю.С. Маслов, детально описавший семантику и типы употребления имперфекта сов. вида в древнерусских памятниках на фоне данных других славянских языков, регулярная представленность имперфекта сов. вида в кратноперфективном значении отличает древнерусские памятники от старославянских, где имперфект от основ СВ вообще крайне редок, а в данном значении практически отсутствует совсем [Маслов 1984/2004]. С другой стороны, употребление имперфекта СВ сближает древнерусские книжные памятники с древнечешскими, а также с сербохорватским и современным болгарским языками, что позволило Ю.С. Маслову предполагать независимое развитие кратноперфективного значения имперфекта СВ на определенном этапе эволюции видо-временной системы [Там же: 171-175].

Особенно характерен имперфект СВ для киевских памятников XII в. – Повести временных лет (ПВЛ), Жития Феодосия Печерского (ЖФП), Слова о полку Игореве (СПИ). Имперфект СВ оказывается одним из грамматических признаков, свидетельствующих о принадлежности СПИ киевскому XII веку: А.А. Зализняк показал, что во всех случаях употребления этой формы в СПИ (а число их относительно общего количества форм имперфекта в тексте достаточно велико) имперфект СВ точно соответствует кратноперфективному значению и типу контекстного употребления, известному по ПВЛ и ЖФП [Зализняк 2008: 101-105]. Эта грамматическая особенность, объединяющая СПИ с ПВЛ и ЖФП, бесспорно свидетельствует об архаичности СПИ и связи его с киевской традицией XII в. [Там же].

А.А. Зализняк обратил также внимание на то, что широкая представленность имперфекта СВ характерна именно для южнодревнерусских памятников и нехарактерна для новгородско-псковских: имперфекты СВ практически отсутствуют в Новгородской первой летописи обоих изводов и в псковских летописях. Тем самым обнаруживается диалектное различие внутри восточнославянской зоны, относящееся к раннедревнерусской эпохе [Там же: 98-99].

Вот на эту проблему связанных с имперфектом СВ диалектных различий между южной и северо-западной древнерусскими зонами хочется обратить более пристальное внимание.

1. Из всех списков ПВЛ шире всего имперфект СВ представлен в Лаврентьевском (Лавр.), отражающем 1-ую редакцию ПВЛ. В более поздних Ак. и Радз. списках той же группы и в меньшей степени в Ипат. списке, отражающем 2-ую редакцию ПВЛ, встречаются замены имперфекта СВ на имперфект НСВ или на презенс СВ, детально проанализированные в [Маслов 1984/2004: 156-165], – эти замены демонстрируют утрату древнего грамматического способа выражения кратности и перфективности в прошлом одной формой и переход к современному типу употребления в таких контекстах либо прошедшего НСВ, либо презенса СВ в претериальном контексте. Лавр. список в этом пункте (впрочем, как и во многих других), очевидно, лучше всего сохраняет текст составителя ПВЛ 10-х гг. XII в.

Максимальной употребительности имперфект СВ достигает в рассказах ПВЛ о событиях в Печерском монастыре, прежде всего в статье 1074 г. – рассказах о печерских старцах: здесь представлено около половины всех случаев имперфекта СВ в ПВЛ (в Лавр. – 28 примеров). Имперфекты СВ здесь встречаются практически на каждом листе, причем неоднократно, складываясь в парные и цепные конструкции: *изидаше, затвораше, аще ли будаше* (л.62об.); *аще братъ етеръ выидаше из манастирѧ...*, *аще кто коли принесаше дѣтищъ боленъ...принесашу в манастирь* (л.63об.); *аще которыи братъ оумышлѧше ити из манастирѧ и оузрѧше и, аще к нему что речаше...сбудѧшетсѧ старче слово* (л.64); *аще прилѧше кому цвѣтокъ...изидѧше ис цркви. шедъ в кѣлю и оуснѧше, аще ли...не прилѧше к нему цвѣтокъ. стоѧше крѣпо^к дондеже ѿпоѧху оутренюю .и тогда изидѧше* (л.64) и др.

Встречаются имперфекты СВ также в записях 90-х гг. XI в.: *аще кто вылѣзѧше ис хоромины...абые оуѧзвень будѧше* (1092 г., л.71об.); *аще кого видѧше ли шюмна ли в кое^м зазорѣ не осудѧше* (1097 г., Пов. об ослеплении Василька, л.89) и др.

В начальной части ПВЛ имперфекты СВ встречаются реже, но они тоже есть. Хорошо известные примеры читаются в этногеографическом Введении, добавленном, по общему мнению, составителем ПВЛ в 10-х гг. XII в.: *аще поѣхати будѧше ибѣрину...*(л.6); *аще кто оумрѧше творѧху трызно надъ нимъ и по семь творѧху кладу велику и възложашуть и на кладу мртвца. сожъжашу и по семь собравше кости вложашу в судину малу...*(л.5).

Не менее известный пример («приводимый Ю.С. Масловым в качестве образцового» [Зализняк 2008: 94]) принадлежит рассказу о пирах Владимира: *Егда же подѣльѧхутьсѧ, начьнѧхуть роптати на князь...*(996 г., л.43об. – так же в Ипат., л.47об.); это описание жизни Владимира после крещения восходит к предшествующим ПВЛ сводам XI в., по-видимому – к своду начала 70-х гг. [Гиппиус 2012: 54]. К тому же времени, видимо, восходит и «Речь Философа» [Там же], в составе которой тоже читается имперфект СВ: *Егда сѧ начаху каѧти и помиловашеть и^х* (986 г., л.32об.). Правда, «Речь Философа» содержит и более поздние вставки составителя ПВЛ, но наш пример, хоть он и находится в относительной близости от такой вставки (см.[Гиппиус 2002: 159-160]), с большей вероятностью принадлежит раннему слою текста.

Таким образом, имперфекты СВ фиксируются уже в записях ПВЛ, восходящих к сводам последней трети XI в., при этом в поздней части ПВЛ – с 70-х гг. XI в. – их употребительность растет.

2. Как известно, предшествующий ПВЛ Начальный свод 90-х гг. XI в. отражает Новгородская первая летопись младшего извода (НПЛмл). В части НПЛмл, имеющей соответствие в полной версии ПВЛ по Лавр. и Ипат. спискам, все имперфекты СВ устранены: они заменены либо на имперфект НСВ, либо на аорист СВ, либо на презенс СВ в контексте прошедшего. Так, в раннем примере из рассказа о пирах Владимира вместо имперфектов СВ: *Егда же подѣльѧхутьсѧ, начьнѧхуть роптати...*(Лавр., л.43об, см. выше) - читается: *Егда же подѣльѧхуся, начаша роптати...*(996 г., НПЛмл, л.73об.). В контексте из «Речи Философа» вместо: *Егда сѧ начаху каѧти и помиловашеть и^х* (Лавр., 32об.) – читается: *егда сѧ начинаху каѧти...* (986 г., НПЛмл, л.54об.).

Подобные замены обнаруживаются и в печерских рассказах из статьи 1074 г. – правда, в НПЛмл эта статья обрывается на рассказе о смерти Феодосия Печерского и большая часть

имперфектов СВ из Лавр. летописи здесь просто не имеет соответствий, однако начальная часть статьи сохранена, и сразу же обнаруживаются замены, ср.: *и тако изидаше из монастыря **а** взимата мало коврѣжскъ.[и] вшедь в пещеру и затвораше двери пещерѣ и засыпаше перстью и не глише никомуже. Аще ли боудаше нужьное орудье.то иконцемъ малымъ бесѣдоваше* (1074 г., Лавр., л.62об.) 'и так выходил (каждый раз) из монастыря...и, войдя в пещеру, затворял двери...если же случалось (случится) необходимое дело, беседовал через окошко' – ср. в НПЛмл: *и тако исхожаше изъ манастиря, взимая мало хлѣба, единь укрух, и пакы вшедиши в пещеру, затвораше двери пещерѣ...Аще ли кому бываше нужное орудье, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше* (НПЛмл, л.97).

Замена имперфектов СВ наблюдается и в известном контексте из статьи 1092 г. - сообщении о загадочном бедствии в Полоцке («наиде рана на полочаны»), читающемся также в НПЛ старшего извода и восходящем к следующим после текста Начального свода выдержкам из киевского летописного источника [Гиппиус 2012: 40]. Это уже приводимый выше контекст из ПВЛ: *Предивно бы^с [чюдо] Полотьскѣ...Аще кто вылѣзаше ис хоромины. хотѣ видѣти. абые оу^азвень будаше невидимо ѿбѣсовъ пзвою и с того умираху* (1092 г., Лавр., л.71об.) – ср. в НПЛ: *Наидѣ рана на Полочаны, яко нѣкако бѣше ходити по улицамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто из избѣ вылазаше, напрасно убиень бываше невидѣмо* (1092 г., НПЛмл, л.98об.); в старшем изводе: *да аще кто из ыстьбы вылезеть, напрасно убиень бываше невидимо* (НПЛст, л.6).

В принципе все эти замены тех же типов, что и в РА списках Лаврентьевской группы и частично в Ипат.версии ПВЛ (в XII списках в большей степени), но здесь они особенно последовательны. НПЛ вообще не сохраняет имперфектов СВ в части, восходящей к ПВЛ.

Возникает вопрос, принадлежат ли эти замены поздним переписчикам НПЛмл или первоначальному тексту Новгородской летописи – общему протографу обоих изводов, так наз. «официальному экземпляру новгородской владычной (...)летописи, в основе которого лежал княжеский свод, созданный около 1115 г.» [Гиппиус 2012: 40]. Контекст из статьи 1092 г., читающийся с заменами имперфекта СВ в обоих изводах (правда, не полностью совпадающими) и явно восходящий к общему протографу НПЛст и НПЛмл, склоняет в сторону предположения о ранней датировке этих замен. Во всяком случае, этот пример в НПЛст свидетельствует о том, что замены в НПЛмл не следует приписывать переписчикам XV в.

Обратим при этом внимание, что в НПЛмл читается один имперфект СВ в Предисловии, отсутствующем в ПВЛ и восходящем, как показал А.А. Гиппиус, к Начальному своду 1090-х гг. [Гиппиус 2010 и др.]: *тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь...; но оже будаше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ// на оружье* (НПЛмл, л.1-1об.) - наиболее вероятно видеть в этой форме *будаше* воспроизведение «аутентично[го] употреблени[я] книжника конца XI в.» [Гиппиус 2010: 182].

Еще один пример читается в НПЛмл под 922 г. – он тоже не находит соответствия в ПВЛ, где статья этого года (в Лавр. и Ипат.) вообще оставлена незаполненной. Здесь имперфект СВ имеет, видимо, модальное значение в контексте отрицания – реже, чем кратноперфективное, но тоже встречающееся в киевских памятниках XII в. [Маслов 1984/2004: 165-167]: *...и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣньдельду. И не вдадьяется единь град, именовъ Пересѣчень* (922 г., НПЛмл, л.31) 'не хотел отдаться' – ср. в ПВЛ: *а*

Двѣ Игорьевичь сѣдѣше кроме и не припустѣху его к собѣ (1100 г., Лавр., л.92 – так же Ипат., л.94) ‘не хотели пустить’ [Маслов 1984/ 2004: 166], ср. в Киевской летописи: *тотъ бо не вѣдаше Мьстиславу вѣстати ратью по Ярославѣ* (1128 г., Ипат., л.108об.) [Там же].

Эти единичные примеры имперфекта СВ в НПЛмл восходят, по-видимому, к киевскому Начальному своду начала 90-х гг. XI в. При этом бóльшая часть таких форм, имевшихся, очевидно, в Начальном своде, была устранена в новгородской летописи XII в. Тем самым подтверждается идея А.А. Зализняка о диалектном различии между южнодревнерусскими и новгородскими памятниками, относящемся к XII в.

3. Обратим при этом внимание на данные старейшего переводного памятника северо-западного происхождения – Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ). Перевод ЖАЮ относится к концу XI в. или самому началу XII в. и широко отражает древненовгородские особенности на всех уровнях [Молдован 2000: 16-18, 31, 103-107 и др.]. В ЖАЮ имперфект СВ встречается, хоть и не столь часто, как в киевских памятниках XII в. – ПВЛ, ЖФП, СПИ: здесь отмечено 13 примеров на около 760 случаев форм имперфекта [Зализняк 2008: 97], что примерно в 5 раз меньше доли имперфекта СВ в ПВЛ. При этом значение и типы употребления имперфекта СВ в ЖАЮ совершенно тождественны тем, что мы видели в ПВЛ и других киевских источниках.

Все имеющиеся в ЖАЮ примеры имперфекта СВ имеют кратно-перфективное значение; синтаксические контексты сходны с теми, что представлены в ПВЛ; так же, как в рассмотренных выше примерах из ПВЛ, имперфекты СВ часто формируют парные и цепные конструкции, ср.: *Егда же ноцѣ настанѣше, вѣстѣа ѿтудѣ чресѣ всю ноцѣ прѣдѣ дверми цѣркви прибываше въ млтвахѣ и в моленьи* (ЖАЮ, л.20) ‘когда наступала ночь (всякий раз)’; ср. ряды имперфектов СВ в рассказе о том, как нищие всякий раз отбирали у Андрея поданную ему милостыню: *...оугладаше мѣсто таино.кдѣ будѣше сборѣ нищихѣ да идѣше к нимѣ. носѣ чаты в руцѣхѣ творѣа сѣ играѣ да быша не разумѣлѣ дѣла ѿго. сѣдѣ начнѣше играти чатыми. Да кѣда кто ѿ нищихѣ дерзнувѣ вѣсхыщаше оу него. пѣхнѣше ѿго пѣстью. се же видивше прочѣи нищии мѣстѣи хотѣше друга своего поидѣху на нь с батогы. вину же обрѣтѣ бѣганькѣ повѣргѣ же чатѣ побѣнѣше ѿ нихѣ. они же к тому начнѣху грабити чаты ѿго* (ЖАЮ, л.10об.); ср. в рассказе о том, как Андрей обычно утолял жажду: *аще налѣзѣше лужу калѣну ѿ дожѣ да бывшю. приклонивѣ колѣнѣ дунѣше на ню крѣтмѣ трижды и тако пѣше* (ЖАЮ, Сол., л.12) и др.

Нет сомнения в том, что это точно такое же грамматически правильное употребление имперфекта СВ, как в ПВЛ, ЖФП, СПИ. При этом ЖАЮ хорошо отражает древненовгородские диалектизмы в разных точках: и лексические, и фонетико-орфографические, и грамматические. Странно, что в отношении имперфекта СВ, если он отсутствовал в новгородской диалектной системе, переводчик повел себя каким-то особым образом и исключительно в этом пункте стал ориентироваться на киевский язык. Отметим, что в отношении еще одного глагольного диалектного различия переводчик ЖАЮ такого исключения не делал: речь идет о вторичных имперфективах с суффиксом *-ыва-/-ива-*, вполне употребительных в южнодревнерусских памятниках уже с конца XI в., а в древненовгородских – несколько позднее [Шевелева 2013 и др.], - в ЖАЮ имперфективы на *-ыва-/-ива-* полностью отсутствуют, что подтверждает более позднее распространение этой модели в древненовгородском диалекте

сравнительно с диалектами Южной Руси. С имперфектом СВ в архаичном ЖАЮ картина оказывается иной.

Вряд ли можно объяснить это различие одним только отсутствием имперфекта в разговорном языке восточнославянских книжников. Ведь даже если всякий имперфект (как и аорист) уже в XI в. ушел только в пассивное знание – литературную традицию (а именно такая трактовка древнерусской ситуации в сфере прошедших времен, предложенная в [Зализняк 2004: 173-174], дает непротиворечивое объяснение показаниям разных типов текстов), остается вопрос, почему именно новгородская традиция – в отличие от киевской – вскоре изменила свое отношение именно к имперфекту СВ. Видимо, связь с диалектной системой здесь все-таки есть.

По-видимому, объяснение этого противоречия между данными новгородских летописей и ЖАЮ следует искать в различии темпов перестройки временной системы и утраты имперфекта СВ между южнодревнерусской и северо-западной диалектными зонами. Судя по всему, переведенное в конце XI в. ЖАЮ отражает систему, в которой имперфект СВ употреблялся так же, как в Киеве; может быть, он только начинал становиться несколько менее употребительным. Данные же новгородских летописей указывают на то, что ко времени создания общего протографа обоих изводов НПЛ в XII в. имперфект СВ уже скорее всего новгородскими летописцами заменялся – так, как он позднее будет заменяться в летописях северо-восточной Руси. По-видимому, диалектное различие между киевской и древненовгородской зонами состояло в том, что в Новгороде имперфект СВ раньше утратился – уже в XII в., тогда как в киевской литературной традиции XII в. он, напротив, особенно употребителен. Вероятно, это различие может быть связано с общим различием в хронологии перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: есть основания предполагать, что на северо-западе она началась несколько раньше, чем в диалектах Южной Руси. Специфическая грамматическая форма имперфекта СВ уходит прежде всего [см. Зализняк 2008: 96] – в том числе из пассивного знания. Соответственно, раньше выходит из употребления имперфект СВ и из книжной новгородской традиции – когда в киевской традиции он еще вполне употребителен.

Литература

- Гиппиус 2002 – А.А. Гиппиус. Рекоша дружина Игореви...К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 25. 2002. P.147-181.
- Гиппиус 2010 – А.А. Гиппиус. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 2 (20). С. 143-199.
- Гиппиус 2012 – А.А. Гиппиус. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX-X веках. Археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012. С.17-63.
- Зализняк 2004 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом находок 1995-2003 гг. М., 2004.

- Зализняк 2008 – А.А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., дополненное.
- Маслов 1984/ 2004 – Ю.С. Маслов. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Молдован 2000 – А.М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Шевелёва 2013 – М.Н. Шевелёва. Имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в севернорусских летописях // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С.205-240.